

А. В. Шершуков¹

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЦИФРОВОЕ БУДУЩЕЕ

Ты славно роешь, старый крот!

У. Шекспир. «Гамлет» (акт 1, сцена 5)

Вот потому, что вы говорите то, что не думаете, и думаете то, что не думаете, вот в клетках и сидите. И вообще, весь этот горький катаклизм, который я тут наблюдаю... и Владимир Николаевич тоже...

Кинофильм «Кин-дза-дза»

Крушение «социалистического блока» в начале 1990-х годов внезапно для Запада лишило мир многополярности в том виде, в каком она была привычной со времен окончания Второй мировой войны. Западу, рассматриваемому как капиталистическая общность, представилась возможность начать процесс ликвидации «социального государства» в своих национальных государствах. Одновременно в прямое или косвенное распоряжение западных транснациональных корпораций попали источники природных ресурсов, дешевая рабочая сила и новые потребительские рынки. Это вдохнуло новую жизнь в транснациональные корпорации, стало драйвером глобализации и в то же время способствовало переходу западного общества потребления на новый уровень.

В конце 1990-х годов — первом десятилетии 2000-х западный потребитель получил возможность обменять существенную часть своих социально-трудовых прав на новую версию iPhone. Или, как минимум, не замечать явного сужения этих прав. Перефразируя классику, «брюки социальных гарантий превратились в не очень элегантные шорты». Увлеченный смартфоном, работник не заметил повышения пенсионного возраста, а манипуляции с его сознанием с целью атомизации некогда солидарного общества, публичная передача приоритета индивидуальному над коллективным были поставлены на поток индустрией развлечения. По большому счету, из числа развитых капиталистических стран только Скандинавские и в меньшей степени Германия и Канада сохраняют ориентацию на «социальное государство», и большинство их населения это поддерживает.

Как бы то ни было, процесс почти неограниченного «триумфального шествия антисоветской власти» резко затормозился в момент мирового экономического кризиса 2008 года. Формальной причиной кризиса была неконтролируемая экспансия финансового капитала. Между тем возможности, предоставленные распадом «социалистического блока», к тому моменту были исчерпаны, большинство рынков освоено, а но-

вые не сформировались. В странах бывшего СССР и в Китае появились свои государственные компании или ТНК, которые претендовали на «свои» национальные — природные, трудовые — ресурсы. Таким образом, одним из остающихся главных ресурсов для продолжения роста прибыли, в том числе ТНК, можно было рассматривать сокращение расходов на рабочую силу.

Одним из факторов лавинообразного развития Интернета и компьютерных технологий можно считать тот факт, что для капиталистической экономики именно они стали волшебным ключом, который не просто оптимизирует процесс управления и производства, а влияет на трудовую деятельность работника, оптимизируя и удешевляя ее. Понятно, что теперь каждый работник может зарабатывать большие деньги, но если рассматривать рынок труда в целом, то доля расходов компаний на оплату труда сотрудников по сравнению с доходами компаний снижается за счет уменьшения числа работников. Люди наемного труда зарабатывают меньше, часть их деклассируется, переходит в группу, живущую за счет социальных пособий.

Такой процесс был бы невозможен при сохранении масштаба и эффективности профессиональных союзов на том уровне, какой был достигнут в 1970-е годы. Организационное и идеологическое ослабление профсоюзов стало условием для указанных выше процессов, происходящих в бизнесе. Не буду здесь описывать достаточно известные действия, которые были предприняты против профсоюзов неоконсерваторами Р. Рейганом и М. Тэтчер и которые стали одной из важных причин весьма странной сегодняшней ситуации.

Отметим, что огромный запрос на создание профсоюзов есть практически во всех странах, то есть трудящиеся понимают: «что-то пошло не так». При этом численность профсоюзов (за исключением упомянутых Скандинавии, Германии, Канады) не растет, а скорее падает. В США, по социологическим опросам, проведенным несколько лет назад, 53 % работников, не входящих в профсоюзы, хотели бы иметь у себя на работе профсоюзную организацию. Однако в американских профсоюзах состоит около 10 % работников. Во Франции членами профсоюзных организаций являются менее 8 % трудящихся (в частном секторе — меньше 2 %), а доверие к профсоюзам колеблется

¹ Секретарь Федерации независимых профсоюзов России, главный редактор Центральной профсоюзной газеты «Солидарность». Председатель Всероссийской политической партии «Союз Трудящихся». Автор книг «Россия: профсоюзы и рабочие организации» (1991, 1993), «КРО и Александр Лебедь» (1996), «Профсоюзная идеология» (2012).

на уровне примерно 40 %. В Германии около 20 % работников состоят в профсоюзах, а доверяют профсоюзам почти 50 % населения. В России же, согласно проведенным ВЦИОМ опросам, 71 % наших сограждан говорят о необходимости профсоюзов.

То есть доверяют, хотят, чтобы защищали, — но не вступают?

Международные инструменты, которые на протяжении XX века использовались для достижения баланса интересов между работниками и работодателями, в настоящее время испытывают сильное давление. На мой взгляд, неслучайно давление работодателей на Международную организацию труда усилилось в 2012 году, когда они внезапно отказались признать неотъемлемое право трудящихся на забастовку. В рамках изложенной выше концепции о целенаправленном снижении расходов собственников на оплату труда работников это выглядит вполне убедительно. Время, в которое произошли эти события, тоже закономерно — вскоре после окончания мирового финансового кризиса.

Можно спорить, являются ли сегодняшние процессы проявлениями промышленной революции 4.0, особенно с учетом того, что пока нет доступа к радикально новым источникам энергии, а внедрение новых технологий идет в последние годы скорее экстенсивно, а не интенсивно. Но можно уверенно утверждать, что изменение технологий коснулось и трудовых отношений. Удаленная работа и удаленный контроль работодателя, платформенная занятость, отсутствие определенного постоянного работодателя, неполный рабочий день, замена трудового контракта на договор оферты — все эти новые аспекты трудовых отношений были бы невозможны без новой технологической основы.

Государство и бизнес сталкиваются с искушением поставить себе на службу самые современные формы контроля поведения человека. Государство обосновывает это заботой о жизни граждан, бизнес — стремлением более полно соответствовать интересам потребителей. Однако степень этого контроля превосходит фантазии Оруэлла. Характерно, что это не связано с политическим или экономическим фундаментом какого бы то ни было государства. Скажем, в Китае это развивается как социальный эксперимент в виде «социального рейтинга» человека. Поступки и общение человека могут оцениваться как поощряемое или наказуемое, и на этом основании человеку может быть предоставлен или осложнен доступ к ресурсам, распределяемым государством.

Другой пример — претензии к «Фейсбуку»: по сведениям «Нью-Йорк Таймс», эта социальная сеть передавала личные данные пользователей без их согласия 150 фирмам, с которым сотрудничала компания Марка Цукерберга. Это могло коснуться 87 млн пользователей, к тому же не секрет, что эти данные обрабатывались и использовались во время избирательных кампаний в США и референдума о выходе Великобритании из Евросоюза. Степень такого вполне реального влияния на результаты выборов на несколько порядков превосходит уровень мифического вмешательства России в американские выборы.

Если мы считаем, что в России нет таких форм контроля и влияния, то это лишь иллюзия. Другое дело, что здесь этим занимаются не частные компании, а государство. Комплекс уже принятых законов о сборе и хранении интернет-данных пользователей, переписки и прочего — это не только способы борьбы с террористами, но и форма контроля за гражданами. И поскольку в настоящий момент формы общественного контроля за властью у нас реализованы хуже, чем в некоторых других странах, такие формы контроля со стороны государства потенциально опасны. Напомню известную формулировку Александра Герцена, который в письме к Александру II писал: *«Если б у нас весь прогресс совершался только в правительстве, мы дали бы миру еще небывалый пример самовластья, вооруженного всем, что выработала свобода. Это было бы нечто вроде Чингисхана с телеграфами, пароходами, железными дорогами и с Конгревовыми ракетами под начальством Батая».*

Если же мы применим эти формы контроля к трудовой деятельности и отношениям «работник–работодатель», то можем получить (и уже частично получаем) повышение степени эксплуатации работника при одновременном снижении заработной платы. Впрочем, работник этого не осознает, поскольку его центры удовольствия заняты опять-таки современными технологиями развлечения. В высшей точке это может напоминать такую «трудовую матрицу» — с той лишь разницей, что содержательные решения принимает не отстраненный электронный разум, а все тот же «старый добрый» капиталист, руководствующийся все теми же, из XIX века, стимулами в виде роста прибыли и собственных дивидендов.

Сегодня это еще не действительность, но реальная опасность.

На мой взгляд, профсоюзам необходимы изменения по трем направлениям: это технологии, эстетика и этика.

Изменение технологического уклада деятельности профсоюзов требуется, чтобы они как минимум соответствовали уровню возникших угроз. Профсоюзы должны понимать, что в обществе (а значит, и в секторе членов профсоюзов, работников в целом) за последние 5–10 лет произошли существенные трансформации. Сократилось расстояние от лидера (политика, общественного деятеля) до его аудитории, а значит, он больше не воспринимается как недостижимое божество или бюрократ. Это эстетика. А поскольку, несмотря на то, что ложных сообщений становится все больше, мы живем в более прозрачном обществе, для профсоюзов (и их лидеров) существенно не «казаться», а «быть». Это относится к сфере этики: «что такое хорошо и что такое плохо», с проверяемым соответствием организаций и лидеров этим нормам. Что непросто.

Сегодняшний мир одновременно и меняется, и балансирует, рискуя сорваться либо в хаос, либо в тоталитарную антиутопию. И все же, как сказал некогда поэт, «блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые».